

ПОЛІТІА

¹ Представление доклада состоялось по просьбе «Аргентинского общества эллинской культуры».

И. Н. Андрушкевич

РЕСПУБЛИКА И ДЕМОКРАТИЯ ПО КЛАССИФИКАЦИИ АРИСТОТЕЛЯ

Доклад председателя
Кадетского Объединения в Аргентине,

сделанный 9 мая 2006 года

в посольстве Греции

в Буэнос-Айресе¹

Колыбель политической науки

Греция была колыбелью не только новой политической формы «полиса», но также и колыбелью науки. Такое совпадение сильно повлияло на зарождение политической науки, достигшей своего наивысшего выражения в трудах Платона и его ученика Аристотеля. Оба этих философа и ученых жили в Афинах, где зародилась сама идея полиса.

Сегодня многие не имеют более ли менее точного представления об истории этого полиса и о теориях, с ним связанных. Нужно иметь в виду, что до Аристотеля в Афинском полисе уже состоялось 11 конституционных реформ. За приблизительно семь веков существования Афинский полис перепробовал практически все возможные формы правления: монархию, аристократию, олигархию, демократию и тиранию, в их разных вариантах. Больше того, Аристотель лично пережил провал абсолютной демократии в Афинах, приведший к потере независимости этого полиса навсегда. Эти конституционные реформы в Афинах и описывает Аристотель в своем труде «Афинская полития».

Аристотель описал также 158 конституций разных стран тогдашнего мира, но, к сожалению, этот труд был утерян. Аристотель несомненно имел возможность располагать хорошей информацией и о Римской Республике, существовавшей уже более четырех веков.

Аристотель умер в 322 году до Р. Х., через год после смерти Александра Великого, учителем которого он был. Таким образом, он был непосредственным свидетелем создания империи Александра Великого, положившей начало эллинистической цивилизации и новому периоду в политической истории человечества.

Согласно греческому пониманию науки, зародившейся в тогдашней Греции (сперва в Малой Азии, а затем и на Балканском полуострове, в Сицилии и в южной Италии), сама по себе наука является в первую очередь теорией. Корень этого слова присутствует и в корне русского

глагола «зреть», а также с его помощью образованного слова театр, сиречь зрелище. Таким образом, наука, по своему определению, является обобщением наблюдений над действительностью. Такое обобщение ведет к открытию и установлению закономерностей в процессах, наблюдающихся в действительности. Значит, наука это не только описание самой действительности, но и описание закономерностей, в силу которых любое явление является последствием его причин. Эта научная работа также неизбежно требует и соответствующей классификации наблюдаемых явлений.

Классификация политических режимов

Именно Аристотель прославился в истории науки своими двумя классификациями, с тех пор ставшими классическими. Первая из них – это перечень всех возможных видов силлогизмов, каковой за прошедшие с тех пор 23 века до сих пор практически остался неизменным. Вторым таким классическим перечислением Аристотеля является его классификация политических режимов.

В своем труде «Политика» Аристотель изучает и описывает все формы политических режимов, с их подвидами, видоизменениями и комбинациями. В результате он составляет список основных форм политических режимов, для чего он следует в основном двум принципам: количеству властителей в каждом из этих режимов и качеству их функций. При этом он учитывает также и ряд социальных факторов, в том числе и имущественное положение граждан государства.

Как известно, Аристотель установил **шесть абстрактных форм** политических режимов: **три правильные формы** и **три извращения** этих правильных форм. Для этого он одновременно придает окончательную форму политической терминологии, которая сохраняется практически неизменной до наших дней. Самый выпуклый, ясный и краткий вариант этой классификации Аристотеля гласит следующим образом:

«В первом исследовании различных государственных форм мы различили три правильных строя («орфас политияс»): монархия, аристократия и полития, и три отклонения («пареквасеис») от них: тирания от монархии, олигархия от аристократии и демократия от политии». (Аристотель. Политика. 1289 а, 25).

Аристотель поясняет, что самая лучшая форма, сиречь монархия, трудно осуществима и встречается редко, ибо очень трудно найти необходимого для этого во всех отношениях хорошего человека. То же самое можно сказать и про аристократию. Посему из трех правильных (хороших) политических режимов лишь третий из них является сравнительно легко достижимым на практике, ибо на самом деле он является комбинацией или смесью элементов всех трех хороших режимов с элементами двух искаженных режимов (олигархии и демократии), но без тирании. Исторический анализ всех режимов приводит Аристотеля к убеждению, что чаще всего этот третий хороший политический режим

(полития или республика) является смесью аристократии, олигархии и демократии, а иногда также и монархии.

Три правильные формы политических режимов имеют своей функцией и задачей **общее благо всех граждан**. В зависимости от того, кто стоит во главе политической власти, эти правильные формы являются монархией, аристократией или политией. В монархии власть принадлежит одному человеку, в аристократии немногим, а в политии многим. Однако во всех этих трех случаях все властители действуют **на благо всех граждан, а не на благо самих себя**.

Когда же эти три вида правления действуют не на благо всех, а в первую очередь на благо **самых носителей власти**, то в таком случае власть одного (монархия) извращается в тиранию, власть немногих (аристократия) извращается в олигархию и власть многих (полития) извращается в демократию.

Несмотря на однозначное признание этой классификации, ее применение всегда (вплоть до наших дней) сопровождалось двумя значительными затруднениями.

В первом из этих затруднений сам Аристотель ничуть не виноват. Дело в том, что приблизительно три века спустя римский политик и писатель Цицерон перевел на латынь лишь только один из этих шести терминов Аристотеля, а именно название третьей правильной политической формы, сохранив в то же время все пять остальных греческих терминов. Греческий же термин «полития» Цицерон перевел латинским словом «республика» (буквально «общее или публичное дело»), являвшимся одновременно и одним из названий Римского Государства. С тех пор во всех переводах Аристотеля употребляется именно это латинское слово, наряду с другими пятью сохранившимися греческими названиями остальных политических форм. Причем эта подмена греческого слова **полития** латинским словом **республика** происходит до наших дней не только в латинских языках, но также и в германских и славянских. Такая подмена в этой политической терминологии одного из шести терминов со временем явилась поводом и для других подмен и даже подлогов и идеологических манипуляций.

Другой причиной затруднений, связанных с этой тематикой, является игнорирование самой по себе весьма сложной политической теории Аристотеля, лежащей в основе его классификации. Дело в том, что Аристотель дает такое четкое и выпуклое перечисление политических режимов в основном с целью классификации их **отвлечённых принципов** (начал), а не с целью сведения к ним всей сложной реальной исторической действительности. Эту действительность он описывает на многих десятках страниц своего труда, но современные идеологические публицисты её тенденциозно игнорируют.

Каждая из классифицированных Аристотелем политических форм имеет **несколько подвидов**, которые Аристотель и описывает подробно, причем это описание, хотя и основывается на наблюдении истори-

ческой действительности вплоть до его эпохи, все же предугадывает и дальнейшее возможное развитие этих разных подвидов.

Однако самая главная характеристика всей политической теории Аристотеля, сформулированной в его труде «Политика», заключается в его наблюдении, что на практике, то есть в исторической действительности, все политические режимы в большинстве случаев фактически являются **смешанными**.

Предпосылки политической устойчивости

В то время как Платон в своих описаниях политической жизни человечества стремится к установлению **идеального** политического режима, Аристотель на основании наблюдений над прошлым не ищет идеального режима **в будущем**. Аристотель исходит лишь из политических **экспериментов**, каковыми богата история, и пытается привести в порядок и классифицировать результаты этих экспериментов. Таким образом, он устанавливает, что все политические режимы в той или иной мере являются **смешанными**, ибо во всех них так или иначе присутствует несколько разных абстрактных политических начал, лишь с **превосходством** одного из них.

Одновременно он устанавливает соответствующую мерку, с помощью которой можно измерять эти разные виды политических **смесей**. Такой меркой для оценки конкретных политических режимов в истории, согласно Аристотелю, является их **стабильность** или **устойчивость**. Другими словами, наилучшим возможным политическим режимом для Аристотеля является самый устойчивый, самый стабильный политический строй.

Несомненно, что Аристотель в данном вопросе никак не мог игнорировать местную афинскую традицию. Именно в Афинах одна из предыдущих 11 конституционных реформ имела своей целью восстановить и утвердить в Афинском полисе его к тому времени сильно пошатнувшуюся политическую и социальную стабильность.

Вторая писаная конституция Афин (первая была написана Драконтом) и третья по счёту с начала Афинского полиса, сочиненная по заказу полиса в виде стихов афинским мудрецом Солоном (594 до Р. Х.), провозглашает необходимость стабильного соотношения **между бедными и богатыми** гражданами полиса. Сам Солон так пишет о правильном соотношении между бедными и богатыми в своей конституции:

«Я поднял крепкий щит для одних и для других и не допустил, чтобы ни одни, ни другие победили несправедливо». (Аристотель. Афинская конституция, 12).

Солон сильно облегчил старые долги бедняков и запретил впредь давать им в долг под гарантию личной свободы должника. Кроме того, он привёл в порядок всю афинскую систему мер, весов и денег, каковая затем немало способствовала стабильности и популярности афинской валюты в Древнем Мире. Он сохранил прежнее разделение всех граж-

дан Афинского Полиса на четыре категории по имущественному признаку, но установил чёткие соотношения между этими категориями. Первый класс платил налоги в размере пятисот медимнов, второй класс платил триста медимнов, третий класс двести медимнов. В соответствии с этими категориями и выдвигались кандидаты на должности полиса, из числа каковых затем окончательно определялся путём жребия тот или иной магистрат Афин. Таким образом, конституционно устанавливалось теоретическое соотношение между богатыми и бедными в Афинской Республике, каковая с этого периода начинает принимать частично демократический характер, как утверждает Аристотель в своём описании этой реформы Солона. (Аристотель. Афинская конституция, 7 и 8).

Эти конституционные постулаты имущественной справедливости Афинского полиса вскоре приобретают чёткую юридическую форму и в Римской Республике, но без процесса прогрессирующей демократизации, каковой в Афинах привёл в конечном итоге к **абсолютной демократии**. В Риме республика продолжает быть смесью монархических, аристократических и демократических начал и элементов, с перевесом аристократических после замены царя двумя консулами в 510 году. Посему в Римской Республике назначения магистратов никогда не происходили метанием жребия, а шли путём ступенчатого **отбора лучших**, через **выборы**. Аристотель же особенно подчеркивает, что **подлинная демократия** требует именно **метания жребия** для назначения своих сановников, в то время как выборы являются методом аристократическим или олигархическим.

Приблизительно через полвека после Солона, четвёртый (предпоследний) римский царь Сервий Тулий, чье этрусское имя было Мастарна (579–535 до Р. Х.), поделил всех граждан Римской Республики по имущественному признаку на **пять разрядов**. Имущество первого разряда равнялось или было больше ста тысяч ассов (приблизительно – стоимость десяти лошадей), второго разряда – семидесяти пяти тысяч ассов, третьего разряда – пятидесяти тысяч, четвёртого разряда – двадцати пяти тысяч ассов и пятого разряда – одиннадцати тысяч ассов. Значит, первый разряд был в четыре раза богаче четвёртого и в девять раз богаче пятого. Вне этих пяти разрядов состояли неимущие, вернее – имущие только лишь детей «пролэс» (названные «пролетариями»), а посему освобожденные от «военных и мирных повинностей».

В Древнем Риме было общепризнано, что именно Сервий Тулий окончательно закончил историческую конституцию Римской Республики, основание которой Ромулом относили к 753 году до Р. Х. Известный римский историк Тит Ливий пишет: *«Сервий Тулий учредил **ценз** – самое благодетельное для будущей великой державы установление, посредством которого повинности, и военные и мирные, распределяются не подушно, как до того, но соответственно имущественному положению каждого. Именно тогда он учредил разряды и цензурии, и весь основанный на цензе порядок».*

Когда в 510 году в Римской Республике пожизненная монархия была заменена годовым предводительством двух верховных преторов (согласно сохранившимся надписям, их титул первоначально гласил «praetor maximus», буквально «верховный предводитель»), затем называемых консулами, то было специально оговорено, что их выборы будут проводиться согласно прежней системе выборов по цензовым центуриям, установленной царём Сервием Тулием. Также был полностью сохранён и прежний соборный монархический конституционный порядок, восходящий еще к Ромулу. А именно, что во главе государства, наряду с царём (а затем и наряду с консулами), всегда должны стоять два «**наивысших учреждения**»: коллегия пожизненных **авгуров** и **сенат**, состоящий из пожизненных сенаторов.

До наших дней эта политическая концепция имущественного подразделения подспудно присутствует в некоторых социально-политических исследованиях, когда население отдельных стран по уровню подушных доходов разбивается на пять «**квинтилей**», то есть двадцатипроцентных групп. Кратное соотношение между первой и последней группами является одним из весьма важных показателей социальной устойчивости страны. Например, в Аргентине первый квинтиль её населения сегодня имеет около **53 процентов от всех доходов** страны, четвёртый квинтиль немного более 8 процентов, а пятый, самый бедный квинтиль, не доходит до 4 процентов. Значит, первый разряд в Аргентине имеет **в 13 раз больше** доходов, чем самый бедный «квинтиль» населения, и **в 6,5 раз больше**, чем четвёртый квинтиль, что считается не очень удачным соотношением. (В России олигархическая часть населения сегодня имеет **92 процента от всех доходов** страны, хотя она представляет лишь около 15–17 процентов от всего населения).

Таким образом, одной из предпосылок подлинной республики является более или менее **справедливое соотношение** между имуществами и доходами **самых бедных и самых богатых** граждан. Однако это отнюдь не означает тенденции к полному имущественному уравниванию граждан, что характерно для социализма и для абсолютной демократии. По этому поводу, Ортега-и-Гассет пишет:

«Ожесточенная демократия (la democracia exasperada) является самым опасным недугом, которым может страдать общество. Кто раздражается, когда видит неравное отношение к равным, но не волнуется, когда видит равное отношение к неравным, является не демократом, а является плебеем».

**Республика
является
комбинацией
большинства
с меньшинством**

Делая свой обзор всех тогдашних конституций тогдашнего мира, Аристотель никак не мог не обратить внимания на конституцию именно этого Римского государства, к тому времени уже начавшего сильно расширяться и практически достигшего границ греческих территорий в Южной Италии. Однако в дошедших до нас трудах Аристотеля он нигде не называет Римскую Республику по имени, хотя в одной фразе в «По-

литике» он несомненно имеет в виду ее характерный конституционный строй:

«В республиках (политиях) немногие обладают авторитетом, чтобы отвергать, но не утверждать, ибо в последнем случае предложение всегда выносится на утверждение большинства.» (Политика, 1299 а). (Тит Ливий пишет то же самое: *«Народ выбирает, отцы утверждают»*). История Рима, 1, 47).

Как раз это и происходило в Римской Республике: авторитетом отвергать обладали в первую очередь авгуры, а затем и сенаторы-патриции, сиречь потомки «отцов» – учредителей. (Новые сенаторы, которые не были потомками основателей Рима, таким «auctoritas patrum», «авторитетом отцов», не обладали). Само имя Республики говорило о такой двойственной структуре большинства и «немногих»: S. P. Q. R. (Senatus Populusque Romanus), сиречь «Сенат и народ римский». Причем само слово «populus» по своей сути тоже обозначает **полноту** всего народа, сиречь **сумму** большинства и меньшинств, ибо одно лишь большинство имело свое собственное имя: plebs. Тит Ливий пишет: Non populi sed plebis magistratus. (Магистраты плебса, а не всего народа).

Цицерон имеет это в виду, когда подчеркивает: *«Я даю свободу народу, для того, чтобы хорошие осуществляли авторитет»*. (Цицерон. Законы. 3, 38). Дабы эта свобода существовала на деле, а не только на словах (in re, non verbo), она должна быть *«доверена славнейшим учреждениям, для того, чтобы уступать авторитету первейших»*. (Там же, 3, 25).

Таким образом, если в республиках политическая власть принадлежит большинству и меньшинству, то в демократиях она принадлежит только лишь большинству. Однако политическое большинство может меняться, и даже может случиться, что меньшинство станет большинством. Посему чисто технически, для стабильности демократии, необходимо предоставление меньшинствам всех возможностей со временем стать большинством и придти к власти. В противном случае, власть первоначального большинства со временем превратится во власть меньшинства, причём меньшинства не аристократического, в подлинном смысле этого слова, а плохого, ибо **эгоистичного**. Так демократия автоматически превращается в **олигархию**, что на самом деле сегодня и происходит почти глобально во всём мире. Кроме того, как говорит Оргета-и-Гассет, демократическое большинство зависит от одной технической детали: **подсчёта голосов**, а значит, и от возможных **манипуляций**, в то время как соборным согласием манипулировать почти невозможно.

Значит, только **соборное государство** («республика», с монархом или без него) может обеспечивать в своих рамках на длительный срок и подлинную демократию, правда, не абсолютную, но ограниченную другими элементами власти. Однако ввиду трудностей манипулировать из-за кулис любым таким правильным политическим строем сегодняш-

ние глобальные олигархии предпочитают **крайнюю** или **абсолютную демократию**, несмотря на предупреждение Аристотеля:

«Олигархия и демократия даже могут быть приемлемыми, хотя они и являются отклонениями от лучших режимов, однако если доводить до крайности ту или другую, их строй начнет ухудшаться и кончится тем, что он вообще перестанет быть строем». (Политика, 1309, в).

**Политическая
власть должна
быть порядочной
и компетентной**

«Политика» Аристотеля помещена самим автором вслед за его «Этикой». Практически все его комментаторы интерпретируют это как лишнее указание на зависимость политики от нравственности. Испанский философ Юлиан Марияс в своем предисловии к современному научному переводу «Политики» Аристотеля на испанский язык утверждает, что «этос» (нравы) являются для Аристотеля главной политическо-общественной силой.

В Афинской демократии все кандидаты на государственные должности, распределяемые путём метания жребия, должны были предварительно публично исповедовать свою приверженность **религиозным верованиям** и нравственным убеждениям афинского народа, помимо подтверждения принадлежности к нему, принадлежности личной и своих отцов.

В своем «Седьмом письме» Платон сводит все свои сложные требования по отношению к политикам к двум основным: **порядочности** и **компетентности**. Оба эти качества требуют соответствующего **воспитания**, а посему Платон и придает ему такое значение. В Афинах вообще считалось, что без полного среднего **целостного** воспитания (гуманитарного, артистического, спортивного и военного) никто не может быть полноценным гражданином полиса. Именно Афины являются колыбелью такого целостного воспитания, затем блестяще возрожденного в Российской Империи, в её системе кадетских корпусов. Платон же выдвинул требование последующего дополнительного образования для кандидатов в будущие правители, каковое было осуществлено тоже в России, в виде Царкосельского Лицея.

Некоторые современные демократические конституции тоже требуют от правителей «компетентности». Например, Аргентинская конституция требует компетентности от своих правителей, употребляя выражение «idoneidad», но никак не определяет это требование и не регламентирует его. Во Франции генерал Де Голль учредил известную «Национальную школу администрации», с тех пор поставляющую этой стране кадры для её высшего руководства.

В своём «Шестом новом законе» (новелле) о Симфонии Святой Император Юстиниан Великий определил условия, необходимые для достижения «**доброй симфонии**» («благосозвучия») между Церковью и Государством: во главе Церкви должно стоять **беспорочное** и верное только лишь Богу священство, а Государство должно иметь **правильный**

политический строй (орфас политияс) и быть возглавляемо компетентными и порядочными правителями. Интересно, что император Юстиниан Великий употребил в греческом тексте этого своего закона буквально те же самые слова, которыми пользовались за девять веков до него Платон и Аристотель. Шестая новелла затем вошла в «Номоканон» и стала обязательным ориентиром для всех православных христиан.

Однако приблизительно схожую ориентацию в толковании подлинного смысла и значения «правильного политического режима» можно частично проследить и в некоторых западных традициях. Например, в конституционном тексте присяги канцлера современного Германского Государства и в известных словах Линкольна после сражения в ноябре 1863 года на Геттисбургском поле, в которых он выразил свою веру, что *«эта нация, под Богом, возродится к свободе, и власть народа, народом и для народа не исчезнет с земли»*.